

«Серьезная игра» в юношеском возрасте¹

I

То переходное состояние между ребенком и взрослым, которое характеризует подростка, накладывает свой отпечаток не только на течение его мыслей и чувств, на его стремления и идеалы, но и на его образ действий. Целый ряд форм поведения, свойственных этому возрасту, мы сумеем правильно понять только тогда, когда мы будем рассматривать и- как промежуточные формы между детской игрой и серьезной и ответственной деятельностью взрослого. Для этой промежуточной формы подходит название «серьезной игры».

Сделаем предварительно несколько теоретических замечаний. Сущность игры можно понять только в свете персоналистической теории. Это значит, что переживание как таковое, как оно дано в момент сознательного проявления, приобретает свой смысл и свое положение в жизни личности как целого, только когда мы исходим из этого целого. Вряд ли можно найти человеческую функцию, для которой необходимость персоналистической интерпретации была бы так неоспорима, как для игры, ибо именно в игре с первого взгляда кажется, что все исчерпано в момент переживания; ведь здесь перед нами деятельность, которая не имеет никакой осознанной цели, лежащей вне ее самой, деятельность, которая находит свое удовлетворение в себе самой, в самом своем течении, и которая после своего окончания кажется «исчерпанной». И, однако, мы знаем, что это относится лишь к одной стороне игры, а именно — к ее сознательной и, следовательно, поверхностной стороне; что игра — без того, чтобы это знал или к этому стремился играющий — имеет

¹ no: E. Stern, "Emstpiel" im Jugendalter. "Ztschr.f. Pad.Ps" *Педагогическая психология юности. Сб. статей* n/p И. Арямова М-Л 1931г

определенное значение для совокупной жизни человека; что момент игры вплетается в прошлое и будущее единой истории развития личности.

На такого рода скрытые связи, которые идут в прошедшее, мы уже указывали в прежних работах, здесь мы, будем рассматривать только значение игровой деятельности для будущего.

«Предваряющий характер» (Vorcharakter) игры, если можно так выразиться, заключает в себе, по крайней мере, три смысловых момента: предварительное упражнение, предварительное выражение (Vorausdruck) и предварительная проба (Vortastung).

Предварительное упражнение (ср.теорию К.Гросса). В игре выступают рано такие влечения и интересы, «срок» которых в их серьезном смысле наступает значительно позже; таким путем происходит подготовка к жизненно важным способам деятельности, приемам, духовным установкам и т.д. Напомним общеизвестные примеры: игра в куклы у девочек, строительные и военные игры у мальчиков.

Предварительное выражение. В то же время в особенностях игры обнаруживаются индивидуальные черты характера, темперамента и одаренности; эти черты в обычной жизни ребенка еще не проявляются заметно, да и не имеют еще погода для своего выявления; а игровой же деятельности они выступают, так сказать, пророчески и имеют, поэтому прогностическое значение.

Предварительная проба стоит в известной противоположности к предварительному упражнению, ибо последнее предваряет готового человека; предварительная проба напротив, проистекает из нерешительности по поводу того, что должно выйти. Здесь человек берется то за ту, то за другую деятельность, отдается ей с большей или меньшей энергией, иногда со страстью, чтобы быстро перейти к другой, так как первая оказалась несоответствующей жизненной линии личности. Там, где эта нащупывающая, экспериментирующая деятельность господствует, там отдельные способы

деятельности уже не являются формами предварительного выражения; можно оказаться в большом заблуждении, если на основании той или иной эпизодической формы деятельности сделать заключение относительно структуры будущей личности.

В поведении подростка мы имеем дело, прежде всего, с предварительными пробами, ибо подросток потерял уже самоуверенность ребенка; путь, который должен привести его к его собственной жизненной форме, идет через бесформенность, сквозь чащу, по окольным путям и ложным тропинкам; подросток пробует и испытывает самые различные виды деятельности, чтобы затем снова и снова оставлять их, причем все это не сознается им как простая проба, а воспринимается с иллюзией серьезной и окончательной деятельности.

Подросток смотрит с известным пренебрежением на детские игры в узком смысле этого слова; с игрушкой, еще недавно столь любимой, он уже не хочет иметь никакого дела. Все вещи, за которые он принимается, носят серьезный характер, и намерения его также серьезны; и однако, это не есть серьезная в полном смысле этого слова, а только предварительная «проба», иначе говоря, «серьезная игра».

В предварительной пробе подросток узнает, в какой степени его умение не соответствует его стремлениям; он учится мало-помалу умерить свои цели и закалить свои силы. В том обстоятельстве, что он прежде, чем научиться этому, переживет много неудач, нет никакого вреда, поскольку эта игровая подготовка к жизни совершается на невинном материале, как это должно быть при действительной игре. Точно так же в процессе пробы устанавливает подросток свое отношение к отдельным видам интересов, которые в нем бродят и среди которых то один, то другой стремится на время к гегемонии. Только практически испытывая его, он сможет узнать, имеет ли он дело с областью, лишь поверхностно интересующей его, а в действительности чуждой его существу, — в этом случае, испробовав ее раз, он ее изживает,

освобождается от нее, — или же в ней заключены тенденции, действительно определяющие будущее его личности. Продолжая идти ощупью, он может уже в пределах этой тенденции сужать постепенно неопределенный круг возможностей, пока не выкристаллизуется с полной ясностью и определенностью та форма деятельности, которая ему адекватна: он стал взрослым.

Формы и виды юношеской серьезной игры чрезвычайно многообразны. Мы, прежде всего, выясним на примере отдельных реальных сфер интересов подростка характерные черты его серьезной игры, а затем осветим то формальное проявление этих черт, которое в любой области деятельности может привести к интересу спортивного характера.

II

О «серьезной игре» мы говорим в том случае, когда имеется налицо субъективная серьезность, без того, чтобы ей соответствовало объективно серьезное значение деятельности. Эта субъективная серьезность имеет самые различные степени. Так, если мы возьмем серьезные игры любовного характера, то здесь, например, кокетства или флирт ясно обнаруживают еще свой чисто игровой характер, между тем как мечтательное поклонение всецело наполняющее юное существо, обладает уже высшей степенью субъективной серьезности.

Но и последняя форма является серьезной игрой, как и вообще юношеская эротика в большей части ее проявлений, ибо она обнаруживает несоответствие между непосредственным содержанием сознания и более глубоким его значением. Подлинный личностный смысл эротики заключается в подготовке к браку, продолжению рода и родительству, следовательно, к цели, которая предполагает не только полное созвучие между любовью и сексуальностью, — созвучие, которое у подростка большей частью еще отсутствует, но также и полную ответственность за последствия, вытекающие из половой любви. Между тем эротическое сознание подростка носит совсем

иной характер. В нем любовь является самоцелью; томление, мечта или страсть настолько поглощают собой юного человека, что всякие мысли о дальнейшем отпадают или даже отвергаются, как профанация.

"Нащупывающий" характер эротической серьезной игры обнаруживается в широте круга и объектов любви и многообразии ее форм. Юношеская любовь еще совершенно не фиксирована как в отношении характера ее объектов, которые могут быть то старшими, то ровесниками, то того же пола, то другого, брюнетками и блондинками, кроткими и пылкими и т.д., так и в смысле формы эротического отношения, которое может быть чувственным или духовным, мечтательным или домогающимся, кокетничающим или страстным. Получается впечатление, что в некоторых из этих любовных эпизодов изживаются путем отрегулирования более поверхностные формы эротики, и таким образом из многообразия возможностей постепенно вырабатываются более глубокие и адекватные индивидууму формы.

Таким образом, пубертатная эротика является по своему смыслу школой любви без связанных с ответственностью последствий в будущем. В том обстоятельстве, что требование, относящееся ко всякой серьезной игре, а именно — совершать пробу на безвредном материале, не всегда осуществляется, — в этом обстоятельстве заключается ее трагическая сторона. Такие тяжелые и неожиданные явления, как разрушение здоровья вследствие излишеств, половые болезни, беременность, самоубийство из-за несчастной любви, показывают, что серьезная игра слишком рано потеряла свой игровой характер.

Выбор супруга и выбор профессии являются двумя главными решениями, определяющими судьбу человека. Но в то время, как выбор супруга наступает уже в фазе зрелости и таким образом предоставляет юношескому периоду подготовиться к этой цели в процессе серьезной игры, выбор профессии должен быть совершен у большинства людей в течение пубертатного периода-

Он является, следовательно, по своей природе вполне серьезным актом. В условиях примитивной культуры, где юный человек должен, как нечто само собой разумеющееся, войти в свое сословие или в одни из немногих существующих видов профессиональной деятельности, этот акт не включает в себе никакой трудной проблемы. Но чем сложнее становятся жизненные отношения, чем необозримее профессиональные возможности и чем дифференцированнее сами люди, тем не менее, самоочевидным становится выбор профессии, и тем менее зрелым является подросток для этого серьезного акта. Поэтому выбор профессии и подготовка к ней становится для многих вначале также серьезной игрой: они бросаются в ту или иную профессию, не зная ни ее характера, ни степени своей пригодности к ней; они работают в ней с субъективной серьезностью, затем бросают ее и пробуют другую; вторая также оказывается не чем иным, как «пробой», и иногда проходит несколько лет, пока не наступает окончательное решение, т.е. пока человек не находит своей жизненной профессии. Как велико число молодых студентов, которые, будучи еще на первых семестрах, меняют специальность и факультет!

У женской молодежи подготовка к профессии выступает в качестве серьезной игры в другом смысле. В соответствии с субъективной установкой своего сознания девочки относятся к вопросу о своей будущей профессии также серьезно часто даже серьезнее, чем мальчики; многие бросаются с рвением и преданностью за профессиональную подготовку, как если бы дело шло здесь о единственно важной с точки зрения их будущего задаче. Но именно это «как если бы» указывает на бессознательно игровой характер этой подготовки. В их личностной основе, как правило, не профессия, а брак является подлинной целью девических стремлений. В какой мере профессиональное рвение юношеского периода является у девочек лишь поверхностной серьезностью, показывает огромное количество девочек, которые позднее выходят замуж и бросают — по желанию или необходимости

— свою профессиональную деятельность или подготовку. Легкость, с которой они оставляют свои занятия, даже если до этого они отдавались им с огромным интересом, поражает не только других, но часто и их самих. Игровая серьезность профессии бледнеет перед подлинной серьезностью того призвания, которое их теперь наполняет, а именно — призвания супруги и матери.

На примере различных общественных организаций юношества обнаруживается другая сторона серьезной игры, а именно — столь частое несоответствие между субъективным сознанием важности данной деятельности и незначительностью результата. Это несоответствие может часто показаться стороннему наблюдателю прямо странным, и он легко будет обсуждать эту деятельность, потому что ему неясно значение этих серьезных игр именно как школы и как предварительной пробы.

Когда при основании какого-либо юношеского общества участники в течении недель спорят относительно программы и устава, когда они возбужденно дискуссируют до поздней ночи о выборах, о ведении протокола, о третейском разборе какого-нибудь незначительного случая, — едва ли с меньшей серьезностью, чем это делают в действительном парламенте или трибунале, — то, конечно, результаты вряд ли соответствуют этой трате сил, времени и одушевления. Но это — одна из форм учения, которая при известных условиях может быть более плодотворной, чем школьное учение, ибо она является самовоспитанием к самоответственности. Пусть юношеская организация через год распадется, не оставив никакого следа своей деятельности; она все же существовала не напрасно, ибо ее участники развивали на ней свое общественное сознание и упражняли свое стремление к борьбе; они научались не только теоретически понимать общественные взаимоотношения и взаимодействия, не усваивать их чувством и волей. Считать такого рода юношеское объединение бесцельным и излишним на том основании, что от него «нет никакого толка», что у него «нет никакого

постоянства, что оно «приводит к растрате времени», по меньшей мере, так же неосновательно, как если бы кто-нибудь счел бессмысленными постройки детей на песке на том основании, что ближайший ветер разрушит эти постройки.

С этой точки зрения нужно иначе смотреть и на юношеское движение и школьное самоуправление. Поверхностному взгляду и здесь бросается в глаза, прежде всего, несоответствие между большими намерениями и действительными результатами, но и более глубокий взгляд поймет, что подлинный смысл этой деятельности в значительной мере как раз предполагает внешнюю безрезультатность. Если бы согласование средств и целей было с самого начала безупречным, тогда все должно было сводиться к простому перенятию и подражанию способам поведения, существующим среди взрослых. Но это было бы нечто совершенно непохожее на юность. Поскольку юноша стремится подняться над уровнем предшествующего поколения, поскольку он хочет достичь новых целей новыми средствами, поскольку он даже старое и вечное хочет заново воссоздать из себя самого, — поскольку блуждание, искание наощупь и порождение через сотню разочарований являются необходимым условием того, чтобы он достиг, в конце концов, надлежащей согласованности средств и целей, хотения и умения.

Что вытекает отсюда для педагогики переходного возраста? Подготавливающей и «пробной» серьезной игре нужно предоставить возможно большую свободу, но, конечно, так, чтобы она соответствовала смыслу игры, т.е. чтобы она совершалась на «безвредном» материале. Так, если школьное самоуправление настолько вмешивается в самую сущность школьной жизни, что это угрожает устойчивости школьной организации, то это, правда, отвечает его непосредственной кажущейся цели, но менее всего соответствует его действительному смыслу, заключающемуся в самовоспитании. То же относится к организации подростков, которая получила бы возможность

активно вмешиваться в политику. Здесь на педагогику пубертатного возраста ложатся трудные задачи, отличные от задач педагогики раннего возраста; она в такой же мере должна остерегаться того, чтобы просто подавлять стремления, вытекающие из природы подростка, на том основании, что они могут иметь вредные последствия, как и того, чтобы предоставлять эти стремления собственному течению, без руководства, и давать им возможность превращаться в ответственную серьезную деятельность. Проблема «вождя» снова встает здесь во всей своей трудности.

При этом следует считаться также с субъективной серьезностью подростков, ибо в ней сказывается смутное чувство подростка, что то, что он делает, важно для его будущего развития. Предположим, что кружок юношей разбирает конфликт между двумя сотоварищами, возникший по какому-либо незначительному вопросу чести; в процессе этого разбора вырабатываются понятия о справедливости и несправедливости, о чести и искуплении; таким образом, в мальчиках воспитываются моральные ценности и суждения, и это служит в дальнейшем для разрешения проблем, имеющих объективное значение.

Наконец, мы должны включить в наше понятие «серьезная игра» обширную, но пока еще мало исследованную область спорта. Мы не рассматриваем здесь спорт с точки зрения телесного упражнения, закаливания и т.п., а подходим к нему исключительно как к жизненной форме Личности *personale Lebensform* и пытаемся выяснить ее своеобразное проявление у подростков. Спорт и игра находятся в тесной связи друг с другом; тем важнее отграничивать их друг от друга и увидеть в спорте своеобразную форму слияния игрового начала с серьезностью.

Спорт не является, конечно, атрибутом исключительно юношеской поры; но в ней он играет совершенно особую роль. Пробуждение интереса к спорту в собственном смысле замечается впервые в пубертатном периоде; и этот интерес может при известных условиях именно у юноши стать

господствующей страстью, в то время как у взрослого, если не считать индивидуальных случаев, спортивные интересы занимают место лишь наряду с профессиональными и другими интересами.

Перед началом периода созревания ребенок, даже занимаясь «спортом», например плаванием, футболом, делает это совершенно «играючи»: он удовлетворен самым процессом действия. У подростка же спорт становится длительной задачей, побуждающей его к достижению все больших и больших успехов; он становится, таким образом, одной из тех «регулятивных идей», которые могут впервые выступить лишь на этой стадии развития. В спорте такого рода регулятивная идея переживается в ее наиболее примитивной обнаженной форме, а именно — как часто количественная бесконечность задачи. Отдельный результат — победа, рекорд — оценивается как чисто временная остановка, как пункт в бесконечном ряду достижений; он измеряется отношением к собственным прежним, менее совершенным достижениям, которые теперь преодолены, и к одновременным достижениям других, имеющих большую или меньшую степень: но он служит в то же время стимулом к дальнейшим повышениям уровня, посредством которых достигается дальнейшее преодоление самого себя и других и т.д.

Еще быстрее бежать или грести, еще дальше бросить мяч, еще большее расстояние проплыть — вот цели, которые как только они достигаются, сейчас же снова уничтожают себя, чтобы быть замещенным и еще более высокой степенью совершенства. Нигде понятие «идеала» как постоянно приближающейся, но никогда вполне недостижимой деятельности не выступает в такой простой форме, как здесь. Восприятие и полагание этого идеала не требуют собственно духовной продуктивности, как в каждом другом идеале: в условиях данного момента, в уже осуществленном действии даны все предпосылки идеала: их нужно лишь представить себе изменившимся в их измерениях. Мы имеем здесь, таким образом, чистый идеал власти и борьбы, свободной в своей абсолютности от всякого содержания, ибо, в конце концов,

для сущности спорта и для типического своеобразия спортивной страсти является относительно безразличным, в какой именно области удовлетворяет юноша свою жажду количественного повышения и преодоления.

Насколько характерной является эта черта юношеской психики, показывает не только то рвение, с которым бесчисленное количество подростков сами предаются спорту, но и массовое участие юношей в качестве зрителей в спортивных состязаниях. Это участие отнюдь не является простым «созерцанием», как в театре или даже в кино; это — страстное участие с внутренним соучастием и партийностью; поэтому оно занимает молодых людей гораздо дольше самого состояния. Тот, кто хочет дать оценку юношеству как массовому явлению, должен, прежде всего, принять во внимание эту черту; не только в англо-саксонских странах, но и у нас мы стоим здесь перед сферой интересов, по сравнению с которой просто по объему все другие сферы, как искусство, религия, самоуправление, даже юношеское движение, оказываются незначительными.

Указанную примитивность инстинктов, связанных со спортом, можно рассматривать как главную причину этого колоссального интереса к спорту. Но в то же время спорт служит и тому, чтобы упорядочить и очищать эти инстинкты; это совершается посредством того, что их цели превращаются в идеалы, а их осуществления — в правила; таким путем и спорт приобретает характер серьезной игры.

Прежде всего, подвергается этому облагораживающему влиянию индивидуальное стремление к власти, которое лишается своей брутальной и беспорядочной формы: преодолеть других может только тот, кто преодолевает себя самого; победа над другими имеет своей предпосылкой победу над своим собственным прежним несовершенством, бесконечность задачи побуждают волю к максимальным усилиям («Training»), которые никогда не могут совершенно ослабеть, потому что ни одна цель не является последней.

Социальный инстинкт находит здесь целый ряд возможностей для своего развития и воспитания. Сознание непосредственной принадлежности к большому и однородному коллективу редко может переживаться так интенсивно, как здесь, именно вследствие простоты участвующих здесь чувств. В то же время эта принадлежность нигде так мало не связана нормами, как здесь; так приучается каждый подросток, занимающийся спортом, подчиняться закономерности общественного института, которая создана не им самим, но которую он, безусловно, признает. То, что спортивные правила могут быть мелкими и неважными, — это в данном случае безразлично: они являются тем «безвредным» материалом, на котором индивидуум игровым образом проникает в нормативные связи вообще. Твердые правила чрезвычайно упрощают развитие определенных функций личности; честолюбие и соревнование, включение индивидуального темпа в общий ритм (гимнастика, гребля), отдельные приемы и целые серии действий, даже внешнее положение и осанка («fair play») в широкой мере не зависят от свободного выбора и решения индивидуума: они подчинены всеобщим нормам, которые каждый может усвоить и применить в качестве масштаба для оценки отдельного случая.

Тесная общность, существующая между товарищами по спорту в отношении интересов, умений и т.п., ведет, в свою очередь, к известному обособлению узкого спортивного коллектива от более широкого социального круга. Специфический спортивный жаргон становится таинственным языком, понятным лишь посвященным. Вырабатываются групповой эгоизм и групповое высокомерие, отчасти в качестве компенсаторных функций по отношению к сильно ограниченной индивидуальной свободе.

Когда мы примем все это во внимание, нам станет понятным то особое значение, какое может приобрести спорт для подростка с относительно примитивной духовной структурой. Однако не следует закрывать глаза и на пределы и опасности этого явления.

Одностороннее подчеркивание количественного момента, числа очков, рекорда приводит к выделению чисто формального принципа власти, которое может нанести ущерб собственно ценностному содержанию жизни. Чисто спортивный принцип имеет в своей основе оценку умения как такового совершенно независимо от области его применения; там, где он господствует, нет никакого существенного различия между непрерывным многократным пробеганием на велосипеде вокруг арены, измерением телесной ловкости при плавании или катании на коньках и умением сыграть вслепую несколько партий в шахматы. Ибо материальное содержание служит лишь средством для показа количественной меры. А так как к тому же «бесконечность задачи» требует, чтобы ей безгранично отдавались, то чисто спортивная установка может привести таким путем к душевному опустошению. Сфера деятельности, которая — часто совершенно случайно — выбирается в качестве объекта спортивной страсти, начинает восприниматься мономанически; не только в том смысле, что она с трудом допускает рядом с собой возникновение других интересов, но и в том, что она сама упрощается, наполняясь чисто количественным содержанием.

С господством количественного момента тесно связана другая черта спорта: недостаточное творчество. В пределах уже существующей области спорта «еще не бывшее» (*nochnie dagewesenes*) проявляется лишь в форме еще не достигнутой цифры. Стремление направлено здесь на прямолинейное продолжение существующего, ибо истинно новое не могло бы вписаться в узкие рамки существующих спортивных правил. В спорте господствует лишь легко измеримое и сравнимое, и в этом отношении он обнаруживает себя детищем нашей механизированной и стандартизированной культуры. Идти своими путями, искать новых, еще не открытых и не испробованных возможностей, дать место качественным ценностям в их индивидуальном своеобразии — все это невозможно, если оставаться в пределах чисто спортивного принципа. Правило есть все. Что область высшей творческой

деятельности начинается впервые по ту сторону его — это чуждо спортивному сознанию.

Если принять во внимание эти черты консерватизма и связанности, то может сначала показаться удивительным, что спорт именно для юношества имеет такое большое значение. Но, вероятно, здесь играет роль функция вытеснения. Обладая повышенным сознанием личности, подросток стремится к творческой деятельности; но он предчувствует свою неспособность к ней и убегает поэтому в сферу, которая дает удовлетворение сознанию его «Я», так как она дает проявиться самостоятельно выработанному умению, предоставляет этому умению индивидуальное ранговое место в группе и сохраняет постоянно живой надежду на повышение умения, не предъявляя в то же время никаких требований к неразвитой еще творческой способности. Занятие спортом дает юноше чувство, что он что-то представляет собой, не обязывая его в то же время быть оригинальным; его неудовлетворенное влечение к оригинальности может даже маскироваться презрительным отношением ко всему, что направлено против правила, что не сообразно со спортом, («un-fatr»)²

Мы знаем, что к спорту склонен определенный тип юноши, и мы снова вспомним установленное нами прежде различие между револютивным и эволютивным типом пубертатности.

Спортивному сознанию противостоит совершенно другая форма проявления социального инстинкта, характеризующая юношеское движение и свободные юношеские объединения; их представители принадлежат большей частью к резолютивному типу: они не признают никаких связей, для них все должно начинаться сначала и создаваться из самой юношеской стихии. Напротив, принадлежность к спортивному коллективу больше характеризует эволютивный тип, который не стремится к тому, чтобы ломать существующие

² «Z. tschr.f.Pad.Ps», Bd.24, S.39

нормы и законы, а видит цель своего развития в постепенном совершенствовании в пределах существующего. Что второй тип количественно значительно превосходит первый, об этом свидетельствует массовая тяга юношества в спортивные организации. Однако, подлинный смысл юности выступает у первого типа в более чистой форме. С точки зрения указанного различия характерно, что подлинное юношеское движение мало связано со спортом и больше направлено в сторону чисто качественной игры, которая не изменяется сообразно выполнению, а переживается вне какой-либо цели.

Мы не хотели бы, чтобы изложенные только что соображения относительно юношеского спорта были ложно истолкованы. Мы старались вскрыть феноменологически сущность спортивного принципа в его чистоте, но мы отнюдь не хотели утверждать, что каждый занимающийся спортом должен попасть под одностороннее воздействие этого принципа. Спортивный момент может в самых различных степенях присутствовать во всех занятиях подростка без того, чтобы последний был охвачен опустошающим духом чистого спорта. И там, где этого опустошения нет, спортивная деятельность может стать важным фактором развития в том смысле, о котором мы говорили, а именно — в смысле облагораживания инстинктов, телесного и духовного закалывания. Вся задача заключается в том, чтобы спортивные упражнения были заключены в качестве частичного момента в общую структуру интересов юного человека, и чтобы внутри спортивной сферы качественно-ценное содержание данного предмета не было совершенно заглушено погоней за чистым количеством. Мы пытались конкретизировать понятие серьезной игры на примере отдельных областей и форм деятельности подростка. Но это были только примеры; принцип серьезной игры имеет для этой стадии развития всеобщее значение и участвует в той или иной форме то в качестве частичного момента или акцента, то в качестве господствующего фактора во всякой деятельности подростка.